

0-774901

На правах рукописи

С.Доккиз

Фокина Мадина Александровна

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале русской художественной прозы XIX-XX веков)**

Специальность 10.02.01. – русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук**

Орёл – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Костромской
государственный университет им. Н.А. Некрасова»

Научный консультант – доктор филологических наук, профессор
Мелерович Алина Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Алефиренко Николай Фёдорович

доктор филологических наук, профессор
Токарев Григорий Валериевич

доктор филологических наук, профессор
Шулежкова Светлана Григорьевна

Ведущая организация – ГОУ ВПО «Московский государственный
областной университет»

Защита диссертации состоится 26 декабря 2008 года в 9.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук при Орловском государственном университете по адресу: 302026, г. Орёл, ул. Комсомольская, д. 95.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Орловского государственного университета.

Автореферат разослан « 18 » ноября 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514512

Учёный секретарь диссертационного совет *В.И. Гришанова* Гришанова В.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Центром разноаспектных исследований современных гуманитарных наук являются текст и человек, порождающий тексты. В русле антропоцентрической научной парадигмы художественный текст рассматривается как уникальный факт национальной и мировой культуры, как феномен индивидуального творчества, неповторимый продукт речемыслительной деятельности автора, как многомерное смысловое пространство, источник познавательной информации и эстетического воздействия на адресата. Большинство современных учёных отмечает, что дискурсивный подход к тексту требует комплексного анализа, основанного на принципе диалектического единства его формы и содержания, на взаимообусловленности основных текстовых категорий, обеспечивающих его структурно-смысловую целостность и отражающих специфику художественного творчества [Л.Г. Бабенко 2004; Н.С. Болотнова 1992; Н.С. Валгина 2003; И.Р. Гальперин 1981; Л.Г. Кайда 2005; В.А. Лукин 1999; Н.Н. Михайлов 2006; Л.А. Новиков 2007; В.В. Одинцов 1980; Г.Я. Солганик 1999; 2000; З.Я. Тураева 1986; 1989; В.И. Тюпа 2006 и др.]. Основные принципы и методы целостного филологического анализа повествовательного дискурса обосновываются в работах Е.И. Дибровой [1994], А.Б. Есина [1998], Л.Ю. Максимова [1993], Н.А. Николиной [2003], Н.К. Онипенко [2001], О.Г. Ревзиной [1999], К.А. Роговой [1993], Л.О. Чернейко [1999; 2001] и др.

Проблемам изучения особенностей функционирования фразеологических единиц (ФЕ) в повествовательном дискурсе посвящены исследования Ю.В. Архангельской [2005]; Ван Сэнь [2007]; Н.Н. Захаровой [2001]; Н.Г. Михальчук [2002]; А.Э. Павловой [2003]; Е.А. Федоркиной [2006]; Чжу Сяодун [2006]; А.В. Щербаковой [2007] и др., в которых определяется роль устойчивых оборотов в структурно-смысловой организации текста, выявляется семантическое взаимодействие ФЕ с контекстным окружением, характеризуются приёмы индивидуально-авторского использования фразеологизмов в художественной речи.

С учётом современных научных достижений в области лингвистики текста, анализа дискурса, исследований функционирования фразеологии в художественной речи в диссертации представлено комплексное многоаспектное рассмотрение фразеологических единиц в произведениях русской повествовательной прозы XIX-XX веков, где устойчивые обороты обладают высокой частотностью употребления, являясь ключевыми выражениями, отражающими образное видение автора.

Фразеологизмы относятся к числу активных средств создания авторской позиции, формирования повествовательной точки зрения и способствуют успешному декодированию авторского замысла, так как передают доминантные текстовые смыслы, репрезентируют концептуальное содержание художественного текста, транслируют специфические черты языковой личности писателя.

На сегодняшний день проблема изучения системы взаимообусловленных функций ФЕ в художественной речи нуждается в углублённом монографическом исследовании. В современном языкознании до сих пор не разработана методика комплексного анализа фразеологизмов, которая позволила бы выявить и обосновать иерархию функций и ролей ФЕ в повествовательном дискурсе. Актуальность диссертации определяется необходимостью системного изучения нарративных, коммуникативно-прагматических и когнитивных свойств ФЕ, которые обусловлены жанровой спецификой повествовательного произведения, особенностями многоуровневой организации литературной коммуникации в художественном повествовании, своеобразием его концептуальной структуры и самобытными чертами идиостиля писателя.

Объект исследования – повествовательные дискурсы русских писателей XIX-XX веков, художественная проза которых объединена общностью тем, идей, мотивов, образов и относится к традиционным эпическим жанрам (рассказ, повесть, роман).

Дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»¹. Дискурсный анализ предполагает рассмотрение художественного текста (ХТ) в качестве единого высказывания, или дискурса, – «коммуникативного события между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями»².

Термин *дискурс* используется нами как родовое понятие по отношению к терминам *текст* и *произведение*, являющимся видовыми понятиями.

В диссертации употребляется также термин *нарратив*, под которым понимается повествование, рассказ о событиях. Литературный нарратив представляет собой художественный текст, «рассказывающий о людях и происходящих с ними событиях»³.

Предмет исследования – фразеологические единицы, отражающие ключевые идеи и ведущие мотивы произведения, являющиеся смысловыми доминантами текста.

Под ФЕ в диссертации понимается «раздельно оформленная единица языка, являющаяся устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком»⁴.

Анализируя ФЕ в русской повествовательной прозе XIX-XX веков, мы исходим из широкого понимания фразеологии, объектом которой являются «все устойчивые сочетания слов с осложнённым значением»⁵. Нижней границей фразеологизма является двусловное образование, при этом один из

¹ Арутюнова, Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д.Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

² Тюпа, В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие [Текст] / В.И.Тюпа. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – С. 300.

³ Попова, Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: научная монография [Текст] / Е.А.Попова. – Липецк, 2001. – С.8.

⁴ Мелерович, А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка: учебное пособие [Текст] / А.М.Мелерович. – Ярославль: ЯГПИ, 1979. – С.11.

⁵ Куниц, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие [Текст] / А.В.Куниц. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 26.

компонентов может быть служебным словом; верхняя граница фразеологизма – сложное предложение (паремия, афоризм, сентенция).

Цель исследования – выявление базовых функций ФЕ в повествовательном дискурсе и установление факторов, обуславливающих специфику фразеологической семантики, динамику многомерных текстовых смыслов литературного нарратива, тесное структурно-семантическое взаимодействие ФЕ с разноуровневыми компонентами текста в пределах целого произведения и в непосредственном контекстном окружении.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- 1) вычленить фразеологические доминанты повествовательных дискурсов;
- 2) проанализировать ФЕ в системе языковых средств организации ХТ на всех уровнях литературной коммуникации: на внешнетекстовом (в сфере автор – читатель), на внутритекстовом (в сферах повествователь – персонаж (персонажи), персонаж – персонаж), на межтекстовом (в сфере автор 1 – автор 2);
- 3) охарактеризовать фразеологические средства жанровой организации литературного нарратива: определить роль ФЕ в создании хронотопа ХТ и в формировании его повествовательной структуры (субъектно-речевых планов автора и персонажей, типологии повествования, повествовательной точки зрения);
- 4) определить место и роль ФЕ в концептуальной структуре произведения: выявить особенности создания концептуальных полей средствами фразеологии и национально-культурную специфику фразеологических концептов; проследить процесс формирования внутритекстовых и межтекстовых фразеологических серий, являющихся метафорической базой создания сквозных символов русской художественной прозы XIX – XX веков;
- 5) охарактеризовать фразеологические средства создания интертекстуальных связей ХТ: определить роль ФЕ-интертекстем в структурно-смысловой

организации нарратива, выявить особенности создания метатекстовых и интермедиальных связей с помощью фразеологии;

- б) соотнести общие и индивидуальные приёмы использования ФЕ в художественной прозе XIX – XX веков, отражающие как литературные традиции, так и специфику идиостилей отдельных писателей, яркие черты их языковой личности;
- 7) разработать методику филологического анализа фразеологии в повествовательном дискурсе с учётом жанровой специфики, нарративных признаков, когнитивных и коммуникативно-прагматических свойств художественного текста.

Материалом исследования являются фразеологические конфигурации в повествовательных дискурсах русских прозаиков XIX-XX веков: И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, П.В. Засодимского, И.А. Салова, Л.Н. Толстого, В.М. Гаршина, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.М. Ремизова, М.А. Осоргина, И.А. Бунина, А.Б. Мариенгофа, Б.К. Зайцева, П. Романова, И.С. Шмелёва, В.Я. Брюсова, В.Я. Шишкова, В.В. Набокова, В.Е. Максимова, Р. Киреева.

Общей особенностью исследуемых повествовательных дискурсов является то, что ключевые ФЕ занимают сильные позиции текста и представляют собой константы идиостилей писателей. Творчеству большинства авторов свойственны афористичность и сентенциональность, их произведения стали источниками крылатых выражений.

Для анализа отбираются узуальные и окказиональные употребления ФЕ, определяющие образно-речевую специфику ХТ, его жанровые особенности, нарративные характеристики, концептуальное содержание и интертекстуальные источники. Материал исследования составляет 647 фразеологических конфигураций. В диссертации проанализировано 397 ФЕ, в том числе – 40 индивидуально-авторских оборотов, 19 афоризмов и сентенций.

Теоретической базой исследования являются теория художественной речи (В.В. Виноградов); принципы филологического анализа ХТ

(Н.А. Николина); основные положения семантики нарратива (Е.В. Падучева, В. Шмид); теоретические разработки коммуникативных аспектов литературного нарратива (Е.А. Попова); принципы концептуального анализа ХТ (Л.Г. Бабенко, Н.С. Болотнова); идеи М.М. Бахтина о полифонии ХТ, о художественном хронотопе и его теория «чужого слова»; учение о фразеологическом контексте (А.В. Кунян); принципы семантического анализа ФЕ в речи (А.М. Мелерович); принципы концептуального анализа ФЕ (Н.Ф. Алефиренко); принципы интертекстуального анализа ФЕ (В.М. Мокшенко, К.П. Сидоренко, С.Г. Шулежкова).

В диссертации используются следующие методы исследования: описательно-аналитический, системно-структурный, функциональный, классификационно-типологический, сравнительно-сопоставительный, таксономический; метод доминантного анализа языковых единиц, метод семантического анализа ФЕ, дистрибутивный метод, метод концептуального анализа ХТ, метод контекстуального анализа языковых единиц и др.

Новизна исследования заключается в том, что в диссертации представлена разработанная нами классификация базовых функций и ролей ФЕ в повествовательном дискурсе, выявленных на основе комплексной методики разноаспектного анализа, включающего хронотопический, нарративный, концептуальный и интертекстуальный анализ устойчивых оборотов, показана взаимообусловленность аспектов анализа. В диссертации дано обоснование ведущих принципов изучения ФЕ в художественной прозе, впервые осуществлено системное исследование фразеологии на уровне целого текста. Комплексный анализ фразеологизмов в литературном произведении предусматривает последовательное рассмотрение роли ФЕ в создании жанрового своеобразия текста с учётом особенностей его пространственно-временной организации и специфики повествовательной структуры; определение места и роли ФЕ в концептуальной структуре текста, являющейся ядром его общей смысловой структуры; характеристику ключевых фразеологизмов, участвующих в создании концептосферы произведения,

образной системы текста; рассмотрение ФЕ в коммуникативном пространстве дискурса, выявление способов выражения авторской позиции и текстовых сигналов адресованности с помощью ФЕ; исследование фразеологических средств создания интертекстуальных связей произведения; выявление сквозных фразеологических образов в литературно-художественном и культурно-историческом контексте русской повествовательной прозы XIX – XX веков.

Новизна исследования заключается также в том, что комплексный анализ ФЕ осуществляется на всех уровнях литературной коммуникации, которая представляет собой совокупность диалогов: 1) диалог автора и читателя – на внешнетекстовом уровне; 2) диалог повествователя и персонажа, персонажа и персонажа – на внутритекстовом (нарративном) уровне; 3) диалог двух авторов, один из которых является читателем другого, т.е. использует компоненты содержательной структуры чужого текста при создании собственного произведения, – на интертекстуальном уровне. В диссертации характеризуются фразеологические средства внутренней диалогизации авторского монолога, создающей повествовательную полифонию, субъектную многомерность художественного текста. Разноаспектное исследование коммуникативных свойств ФЕ в повествовательном дискурсе является актуальным, малоизученным направлением в лингвистике нарратива.

Теоретическая значимость диссертации заключается в обосновании комплексной методики выявления полифункциональности устойчивых оборотов, в классификации функций и ролей ФЕ в повествовательном дискурсе, систематизации смысловых связей и отношений ФЕ и других элементов ХТ на парадигматическом, синтагматическом и ассоциативном уровнях текста, определении места и роли фразеологии в его структурно-семантической организации.

Практическая ценность работы состоит в том, что полученные результаты найдут применение в вузовских учебных курсах истории русского литературного языка, истории русской литературы, современного русского языка, филологического анализа текста, общего языкознания, при чтении

специальных курсов по проблемам текста и функциональной лингвистики, в руководстве научно-исследовательской работой студентов и аспирантов. Материал исследования будет востребован в лексикографической и фразеологической практике при составлении словарей языка писателей, учебного словаря «Жизнь русской фразеологии в художественной речи».

Научная гипотеза исследования: комплексная методика изучения ФЕ в повествовательном дискурсе позволяет определить полифункциональность устойчивых оборотов, установить иерархию их функций и ролей, выявить нарративные, коммуникативно-прагматические и когнитивные свойства фразеологизмов.

Положения, выносимые на защиту

1. Фразеология как одно из наиболее выразительных средств ХТ полифункциональна в повествовательном дискурсе. Система взаимосвязанных функций устойчивых оборотов обусловлена сложным нелинейным характером структурно-смысловой организации художественного текста и спецификой фразеологического значения, приобретающего амбивалентные смысловые приращения в результате создания объёмных синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей, определяющих пресуппозицию ХТ.
2. Глобальной функцией фразеологических единиц в анализируемых повествовательных текстах является стилеобразующая функция, которая реализуется совокупностью и взаимодействием соподчинённых функций (жанрообразующей, текстообразующей, концептообразующей), подразделяющихся на подфункции или роли. Стилеобразующая функция носит интегративный характер, она отражает на фразеологическом уровне ХТ своеобразие идиостиля писателя, специфику его языковой личности, обладающей характерными способами и приёмами использования образных средств, формирующих картину мира художника слова.
3. Жанрообразующая функция объединяет ряд ролей: хронотопическую, сюжетообразующую и ритмообразующую. Хронотопическая роль ФЕ

заключается в том, что устойчивые обороты активно участвуют в создании пространственно-временной организации ХТ, в объёмном изображении художественного мира произведения. Сюжетообразующая роль ФЕ проявляется в том, что они отражают событийную сторону произведения, участвуют в художественной обрисовке персонажей, создают психологизм повествования на всех этапах развития сюжета, связывают несколько сюжетных линий в единое повествовательное пространство текста. Ритмообразующая роль ФЕ реализуется созданием текстовых повторов и рефренов, формирующих ритмический рисунок художественной прозы. Фразеологические повторы обеспечивают локальную и глобальную связность текста, определяют композицию произведения, а также актуализируют последовательное развитие тема-рематических отношений ХТ. Ритмообразующая роль ФЕ носит интегративный характер, реализует не только жанрообразующую, но и текстообразующую функции.

4. Текстообразующая функция обеспечивает структурно-смысловую целостность повествования, его композиционно-содержательное единство, объединяя текстоконструирующую и текстопорождающую роли, которые реализуются во взаимодействии. Текстоконструирующая роль ФЕ заключается в том, что фразеологизмы являются средством межфразовой локальной связности. Текстопорождающая роль ФЕ проявляется в результате осуществления глобальной связности в пределах целого текста. Текстоконструирующие и текстопорождающие фразеологические средства способствуют интеграции текстовой связности и целостности, пересечению синтагматических и парадигматических смысловых отношений, объединяющих отдельные фрагменты текста в общую повествовательную ткань произведения. ФЕ, обладающие высоким текстопорождающим потенциалом, определяют коммуникативную перспективу литературного нарратива, создают вертикальный контекст, посредством которого осуществляется смысловое развёртывание повествования.

5. Текстобразующая функция ФЕ тесно взаимосвязана с концептообразующей функцией. В процессе текстобразования создаются языковые формы воплощения концептуального содержания ХТ. Концептуальная информация семантически выводится из всего текста как структурно-смыслового и коммуникативного целого. Фразеологизмы способствуют раскрытию не только содержательно-фактуальной, но и содержательно-концептуальной, а также содержательно-подтекстовой информации повествовательного дискурса.
6. Концептообразующая функция ФЕ проявляется в том, что средствами фразеологии создаются концептосферы произведения. Концептообразующая функция объединяет когнитивную и рецептивно-эмотивную роли. ФЕ являются ядерными компонентами концептуальных полей и выполняют когнитивную роль, которая заключается в том, что устойчивые обороты конденсируют знания о мире. В повествовательном дискурсе создаются фразеологические образы-символы, приобретающие обобщенно-типический характер. Рецептивно-эмотивная роль ориентирована на фактор адресата ХТ и проявляется в том, что ключевые ФЕ создают сигналы адресованности, которые активно влияют на восприятие текста, имеют сильный эмоционально воздействующий эффект, помогая эксплицировать концептуальное содержание произведения.
7. С помощью фразеологических средств активно осуществляется литературная коммуникация на всех уровнях её организации: на внешнетекстовом уровне – в сфере автор – читатель; на внутритекстовом уровне – в сферах повествователь – персонаж, персонаж – персонаж; на интертекстуальном – в сфере автор 1 – автор 2. ФЕ участвуют в создании композиционно-речевых структур художественного нарратива, в формировании повествовательной точки зрения, способствуют диалогизации авторского монологического слова и объединяют различные субъектно-речевые планы в единое структурно-смысловое и

коммуникативное целое, обеспечивающее повествовательную полифонию ХТ.

8. Полифункциональность ФЕ в повествовательном дискурсе выявляется в результате комплексного анализа, учитывающего жанровую специфику текста, его основные нарративные характеристики, коммуникативно-прагматические и когнитивные свойства. Методика комплексного анализа ФЕ предполагает последовательное осуществление взаимообусловленных разновидностей анализа: хронопического, нарративного, концептуального, интертекстуального.
9. Разноаспектный анализ фразеологизмов отражает многомерность текстового пространства, определяет одно из центральных мест устойчивых оборотов в системе языковых средств организации художественного текста, свидетельствует об интегративном характере функций ФЕ, которые активно участвуют в создании образа автора, в формировании идиостиля писателя, транслируют яркие черты языковой личности, выявляют общие и индивидуальные приёмы использования фразеологических образов в русской прозе XIX – XX веков.

Апробация основных положений и результатов исследования осуществлялась в форме докладов, выступлений и обсуждений на научных конференциях разного уровня: на международных конференциях «Фразеология и миропонимание народа» (Тула, 2002), «Русский язык, литература и культура в современном обществе» (Иваново, 2002), «Информационный потенциал слова и фразеологизма» (Орёл, 2005), «Проблемы фразеологической и лексической семантики» (Кострома, 2004), «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты)» (Кострома, 2006), «Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе» (Кострома, 2008), «Диалог культур – культура диалога» (Кострома, 2005, 2007), «Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы» (Кострома, 2006), «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 2007), «Оломоуцкие дни русистов» (Чехия, Оломоуц, 2007); на всероссийских

конференциях «В.И. Даль в парадигме идей современной науки» (Иваново, 2001, 2003, 2005), «Фразеология на рубеже веков: проблемы, достижения, перспективы» (Тула, 2000), «Н.А. Некрасов: современное прочтение» (Кострома, 2001), «А.Н. Островский в новом тысячелетии» (Кострома, 2003), «А.Н. Плещеев и русская литература» (Кострома, 2005), «Розановские чтения» (Кострома, 2001, 2003), «Щелыковские чтения» (Щелыково, 2006); на межвузовских конференциях «Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней» (Иваново, 2002), «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней» (Иваново, 2004); на межвузовском научно-практическом семинаре «Вопросы семантики современного русского языка» (Кострома, 2002); на заседаниях кафедры русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова. Результаты исследования апробировались также в учебном процессе на лекционных и семинарских занятиях по вузовским дисциплинам «Филологический анализ текста», «Лингвистический анализ текста», на спецкурсе «Современные аспекты анализа языковых единиц в повествовательном дискурсе»; в руководстве дипломными и курсовыми работами студентов-филологов, а также в научных публикациях автора.

По теме диссертации опубликовано 58 работ, включая научную монографию (2007), общим объёмом 42,5 п.л. (Москва, Казань, Тула, Орёл, Великий Новгород, Челябинск, Курган, Магнитогорск, Киров, Кострома, Щелыково, Иваново, Шуя, Орехово-Зуево и др.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе 1 «Функционирование фразеологических единиц в повествовательном дискурсе как лингвистическая проблема» рассматриваются особенности структурно-смысловой организации повествовательного текста, определяется роль фразеологической семантики в

создании текстовых смыслов, анализируются основные аспекты исследования фразеологии в ХТ современными лингвистами, обосновываются общие принципы и методика анализа фразеологических единиц в повествовательном дискурсе.

Первый параграф «Особенности структурно-смысловой организации повествовательного текста» посвящён рассмотрению ведущих положений лингвистики текста, анализу новых теоретических разработок в области нарратологии.

Являясь разновидностью художественного текста, литературный нарратив обладает общими текстовыми признаками, а также имеет специфические черты, обусловленные особенностями структурно-смысловой организации и жанровым своеобразием эпического произведения.

В диссертации *текст* определяется как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность»¹.

Художественный текст эстетически отражает фрагменты индивидуальной языковой картины мира писателя, транслирует неповторимые черты его языковой личности. *Идиостиль* как «совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определённого автора»² обусловлен мировоззрением писателя, его идеологическими позициями и художественно-эстетическими принципами творчества, уровнем культурно-языковой компетенции художника слова.

Своеобразие художественного повествования заключается в его двусобытийности: референтное и коммуникативное события определяют двойную структуру коммуникативной системы текста, организованного как событийная цепь эпизодов. *Литературная коммуникация* включает в себя авторскую (внешнюю) и нарраторскую (внутреннюю) коммуникации. Повествовательная полифония отражает взаимодействие разных голосов в

¹ Николаева, Т.М. Текст [Текст] / Т.М.Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 507.

² Фатеева, Н.А. Поэт и проза: книга о Пастернаке [Текст] / Н.А.Фатеева, предисл. И.П.Смирнова. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – С. 17.

пределах речевой структуры произведения. В художественном повествовании осуществляется диалогизация авторского монолога, в котором представлена речь повествователя и персонажей. Изучение *нарративной структуры ХТ* строится с учётом её основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, точки зрения.

Во втором параграфе «Роль фразеологической семантики в создании текстовых смыслов» соотносятся понятия *фразеологическое значение* – *фразеологический смысл*, рассматриваются современные теории фразеологического контекста, определяются особенности взаимодействия ФЕ с контекстным окружением, выявляется участие фразеологии в формировании индивидуально-авторских смыслов и коммуникативно-прагматических характеристик текста.

К важнейшим языковым средствам структурно-смысловой и коммуникативно-прагматической организации повествовательного дискурса относится доминантная фразеология. *Фразеологической доминантой* является «блок употреблений ФЕ, объединённых текстовыми связями, соотнесённых с тематическим, сюжетно-композиционным, образным уровнями текста, включённых в логическую последовательность структурно-семантических или семантических преобразований»¹. ФЕ в составе фразеологических доминант объединяются семантически на основе сходной образности, создавая последовательность стилистических приёмов, эксплицирующих мотив художественного текста.

Смысловые реализации фразеологического значения осуществляются на синтагматическом и парадигматическом уровнях ХТ, в непосредственном контекстном окружении и в пределах целого текста. В повествовательном дискурсе вычленяются различные типы фразеологических конфигураций, в составе которых определяется смысловое содержание устойчивых оборотов в

¹ Проскураков, М.Р. Фразеологизм – значимая единица композиционно-тематического уровня художественного текста [Текст] / М.Р.Проскураков // Фразеология и религия: материалы международного научного симпозиума / под ред. В. Хлебды, С. Кохмана. – Ополе (Польша), 1996. – С. 103.

контексте, происходит их семантизация, выявляются видоизменения семантико-стилистической тональности ФЕ.

Фразеологическая конфигурация состоит из фразеологизма и его актуализатора. В роли *фразеологического актуализатора* выступают «слово, словосочетание, предложение или группа предложений, семантически связанные с употребляющимися в данных контекстах фразеологизмами, вводящие их в речь при узуальном или окказиональном использовании»¹.

Семантизация ФЕ в тексте представляет собой раскрытие актуального смысла устойчивого оборота посредством его авторского толкования. Семантизация осуществляется разными способами: при помощи текстовых перифраз ФЕ; использованием синонимичных фразеологизму слов, ФЕ и словосочетаний из контекстного окружения; посредством параллельных конструкций, однотипных с ФЕ по синтаксической структуре².

В литературном нарративе особую значимость приобретает коммуникативно-прагматический аспект исследования ФЕ, основанный на комплексной характеристике коммуникативных свойств устойчивых оборотов: описании приёмов и способов включения фразеологизмов в контекст; определении роли контекста и лексического окружения в актуализации семантики ФЕ; рассмотрении особенностей семантического взаимодействия ФЕ на синтагматическом и парадигматическом уровнях ХТ; выявлении взаимообусловленных функций фразеологизмов на всех уровнях литературной коммуникации, в формировании общих текстовых смыслов.

Третий параграф «Многоаспектность современных исследований фразеологических единиц в русской повествовательной прозе» содержит анализ научных работ, посвящённых изучению ФЕ в тексте. На сегодняшний день наиболее разработанными являются структурно-семантический и функциональный аспекты исследования устойчивых оборотов в художественной речи [Авдеева 2003; Биловус 2005; Биценцова 1986;

¹ Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие [Текст] / А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, 1986. – С. 171.

² Мелерович, А.М., Мокленко, В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка [Текст] / А.М. Мелерович, В.М. Мокленко. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – С. 259.

Бурмистрович 1998; Ковалёва 1999; Крюкова 2007; Шелгунова 1996 и др.]. В последние десятилетия перспективно развиваются коммуникативно-прагматический и когнитивный анализ ФЕ в тексте [Артемова 1991; Виноградова 2004; Мелерович 2000; 20001; 2003; 2004; Проскураков 2000; Шадунц 1998 и др.].

В исследованиях современных фразеологов в целом определены и обоснованы базовые функции устойчивых оборотов. Однако недостаточно ясно и полно представлена иерархия функций, их соподчинённость и взаимообусловленность, отсутствуют чёткие разграничения понятий *функции* и *роли*. Не всегда учитывается дифференциация языковых и речевых функций ФЕ. Одним из перспективных направлений исследования фразеологизмов в повествовательном дискурсе должно стать определение их нарративных свойств, обусловленных особенностями повествовательной структуры текста и многоуровневой организацией литературной коммуникации. Этот аспект исследования ФЕ ещё не имеет глубокого научного освещения и нуждается в монографическом описании.

В четвёртом параграфе «Основные принципы и методика анализа фразеологических единиц в повествовательном дискурсе» даётся обоснование комплексного изучения ФЕ в тексте, определяются структура, содержание, алгоритм исследования, предпринятого в диссертации.

Методика комплексного анализа ФЕ в повествовательном дискурсе направлена на выявление полифункциональности устойчивых оборотов в художественном тексте. В диссертации дифференцируются понятия *функции* и *роли* ФЕ. Под *функцией* понимается способ участия языковых единиц в построении речи, в организации предложения и текста¹. Функция ФЕ реализуется объёмно, на разных текстовых уровнях, и подразделяется на роли. *Роль* представляет собой подфункцию базовой функции, раскрывает её определённый аспект. К базовым функциям ФЕ относятся *жанрообразующая*,

¹ Онипенко, Н.К. Функция и функциональность в современной русистике [Текст] / Н.К.Онипенко // Исследования по славянским языкам: Коре́йская ассоциация славистов. – 2002. – № 7. – С. 339.

текстообразующая, концептообразующая функции, которые интегрируются в глобальную *стилеобразующую функцию*, заключающуюся в том, что устойчивые обороты являются важнейшим средством формирования идиостиля писателя, отражают специфику его языковой личности.

Многоаспектное рассмотрение фразеологии в русской прозе XIX – XX веков учитывает особенности жанровой природы повествовательного текста. Повествованию свойственно развитие событий в пространстве и времени, поэтому прежде всего анализу подвергаются ключевые ФЕ с процессуальной и пространственно-временной семантикой, которые являются текстовыми универсалиями литературного нарратива и относятся к числу важнейших жанрообразующих средств текста.

Комплексное исследование фразеологических конфигураций, являющихся семантическими и стилистическими доминантами повествовательного текста, даёт научное обоснование взаимообусловленности функций ФЕ, выявляет систему фразеологических средств экспликации концептуального содержания текста и фразеологических серий символических образов, связывающих ряд произведений русских прозаиков в единый литературно-художественный и культурно-исторический дискурс.

Глава 2 «Роль фразеологии в пространственно-временной организации художественного текста» содержит хронотопический анализ устойчивых оборотов, на основании которого выявляются особенности жанрообразующего, текстообразующего и стилеобразующего функционирования ФЕ в повествовательном дискурсе, раскрываются хронотопическая, сюжетообразующая и ритмообразующая роли фразеологизмов.

В первом параграфе **«Фразеологические единицы в системе языковых средств создания сказочно-мифологического хронотопа»** рассматриваются фразеологические средства пространственно-временной организации текста в повести П.В. Засодимского «Тёмные силы» (1870) и в романе А.М. Ремизова «Пруд» (1910). Общей образной константой в текстах

произведений двух писателей является библеизм *земля обетованная*, который становится для героев символом свободной и счастливой жизни: *Искатели воли, искатели земли обетованной скоро заснули, убаюканные однообразными ночными звуками; тёмное недовольство и разочарование в «земле обетованной»* (Засодимский); *«Земля обетованная! – тайно вышётпывало его сердце в своей тихой тайне. – Крылья мои белые, тяжёлые вы, в слипшихся комках кровавой грязи. Земля обетованная!»* (Ремизов). ФЕ *земля обетованная* передаёт несбыточность мечтаний измученных людей, которые оказались в условиях трагического жизненного тупика.

Пространственные фразеологические образы, восходящие к архаическим текстам (фольклору, мифологии, религии), обусловлены идеологическими позициями писателей, отображающих свою модель мироздания: власть тёмных сил (Засодимский), противоборство Бога и Сатаны (Ремизов), а в результате – бессилие человека изменить роковой ход жизни. Показывая безвыходность земного бытия страдающих героев, писатели используют фразеологизмы, являющиеся символическими обозначениями абстрактных нелокализованных пространств, что отражает неосуществимость идеалов людей: *Только в сказках сказывается, слышала Настя, что есть на свете стороны – такие чудные, где реки текут молоком и мёдом, а берега у тех рек кисельные; как бы так убежать на край света белого, убежать от всех этих дьяволов туда, где не обижали бы бедных ребят* (Засодимский); *одно спасение, один исход – бежать на край света; И хотелось бежать, вернуться, поправить, спасти. А куда бежать? Куда вернуться? Что поправить? Кого спасти? Николай рванулся... и побежал куда глаза глядят* (Ремизов).

Хронотоп дороги, связанный с сюжетными линиями персонажей, является общей особенностью повествовательной прозы Засодимского и Ремизова. Мотив жизненных скитаний в творчестве писателей выражается с помощью ФЕ *мыкаться по свету, горе мыкать, хождение по мукам*, которые содержат пространственно-временные семы и передают бесприютность существования обездоленных героев.

Засодимский чаще использует фольклорные мотивы, сказочные сюжеты и образы: *живая и мёртвая водица; в дремучем лесу, в избушке, подобной избушке на курьих ножках; не по дням, а по часам* и т.п. Ремизов активнее обращается к славянской и библейской мифологии, древнерусским и церковно-религиозным текстам: *мать-сыра земля; хождение по мукам; тот свет; Вербное воскресенье; крестный ход* и др.

Хронотоп в повести Засодимского и в романе Ремизова преимущественно создаётся ФЕ с пространственной семантикой и является хронотопом провинциального города, который в аллегорической форме символизирует всю Россию.

Во втором параграфе «Фразеологические единицы в системе языковых средств создания социально-исторического хронотопа» характеризуются устойчивые обороты в романах М. Осоргина «Сивцев Вражек» (1928) и В. Максимова «Заглянуть в бездну» (1986), названия которых обладают пространственной семантикой. Оба писателя, изображая одну историческую эпоху – революционные события 1917 года, используют ФЕ *смутное время*. Осоргин употребляет известный исторический термин в узуальной форме в составе фразеонабора: *в смутное время, на учёном безрыбье*. Максимов трансформирует оборот: *время Смуты Смут* (ср. с моделью библеизма *суета сует*). Редупликация ключевой лексемы, графически выделенной писателем заглавной буквой, усиливает драматизм повествования, создаёт напряжённость развёртывания исторических событий.

Оба писателя, изображая социальный переворот, обращаются к прецедентным текстам. Интертекстуальные источники помогают воссоздать эпоху и философски проанализировать происходящее. Осоргин обычно использует крылатые выражения, восходящие к фольклору или произведениям русской классической литературы, которые характеризуют социальное пространство, состояние мира: *От ума... приключилось злое горе; Кто виноват; захотелось в цари дураку* и др. Максимов чаще всего творчески переосмысливает библейские образы и мотивы, создающие и

пространственный, и временной планы повествования: *среди огня и крови великого потопа; в общем и никем не управляемом столпотворении* и т.д.

Общий мотив разрушения представлен писателями с помощью разных фразеологических средств. Смысловой доминантой романа Осоргина является образ Дома, поэтому в его произведении преимущественно создаются развёрнутые метафоры с пространственной семантикой: *распавшийся карточный домик; потряс колонны и обрушил на себя самим созданный храм*. Доминантным образом романа Максимова является метафора *бездна*, которая характеризует одновременно и социальное потрясение, и природную стихию, и внутреннюю дисгармонию персонажей: *взглянуть в свою душу, как в бездну; притягивает... близкая бездна: взглянуть, увидеть собственными глазами всю смертную жуть её влекущей глубины; открывается передо мной бездна, в которую я боюсь окончательно заглянуть* (ср. с узувальной ФЕ *пропасть разверзается под ногами*). Авторский оборот *заглянуть в бездну* обладает объёмной пространственно-временной семантикой, которая формируется в процессе динамического развёртывания повествования.

Общая смысловая оппозиция *прошлое – настоящее*, раскрывающая временной аспект социально-исторического хронотопа, на фразеологическом уровне текста выражена также по-разному. В романе Осоргина показан трагический разрыв времён: *порвались все нити мечтаний, сомнений, привязанностей; рвутся все нити, сразу, скачком*. Роман Максимова, в повествовательной структуре которого теснее взаимопереплетены два пространственно-временных плана, изображает более прочную связь времён: *связь времён, разорванная роковой катастрофой, сомкнулась; связать концы и начала сомкнувшейся отныне... цепи времён и событий*.

Зону смысловых пересечений романов Осоргина и Максимова создаёт общий фразеологизм *подлунный мир*, используемый обоими авторами для пространственной характеристики сюжетной параллели *космическое – историческое – личное*, передающей вселенский размах событий.

Третий параграф «Фразеологические единицы в системе языковых средств создания философско-психологического хронотопа» посвящён рассмотрению ФЕ с пространственно-временной семантикой в романах И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1933) и А.Б. Мариенгофа «Циники» (1928). Оба произведения, созданные писателями-современниками, относятся в первоначальному нарративу, являются своеобразной историей души героев, изображают драматизм их чувств к любимой женщине, характеризуют жизненные потрясения и разочарования.

Особенностью философско-психологического хронотопа является широкое использование процессуальных ФЕ, не обладающих в узуальном употреблении явной пространственно-временной семантикой, но приобретающих дополнительные смысловые оттенки в тексте, где характеризуется психо-эмоциональное состояние героев, создаётся их сложное, часто противоречивое внутреннее пространство: *голова шла кругом; из себя выходил; зубы стискивал; охватывал страх* (Бунин); *потерял сон; ударить в встолошные колокола; плюю в глаза; трясутся колени* (Мариенгоф). Такие фразеологизмы, обладающие процессуальной семантикой, формируют сюжетную линию рассказчика, передают динамику действия, организуя повествование не только в пределах эпизода, но и целого текста.

Другой общей чертой в романах Бунина и Мариенгофа является пересечение личного пространства персонажей с социальным пространством, характеризующим окружающий мир и общество: *совсем не по мне в моём новом кругу; как, я должен принести себя в жертву* (Бунин); *Если человек ходит с весёлым лицом, на него показывают пальцами; каждая собака, проживающая в этом сумасшедшем городе* (Мариенгоф). Герои Бунина и Мариенгофа испытывают внутренний дискомфорт от вторжения чуждого мира, т.к. общество навязывает им социальные стереотипы, которые подавляют самобытность личности.

На фразеологическом уровне текста роман Бунина обладает более сложной и динамической системой образов. Одной из смысловых доминант

является ФЕ-лейтмотив *куда глаза глядят*, выражающая психологическое состояние и жизненные устремления героя на разных этапах его личностного становления. Поскольку действие развивается во многих местах, в тексте ярко представлен хронотоп дороги: *пустился в странствия; Одному бог даёт полати, другому мосты да гати*.

В романе Мариенгофа события происходят только в Москве, тревожная атмосфера революционного города оказывает сильное влияние на духовный мир персонажей. Смысловую доминанту текста создаёт развёрнутая метафора *моя любовь... не пожелала упасть на землю*, которая раскрывает оппозицию *земное – небесное* и характеризует трагизм жизненных ощущений героя, отражая более острый конфликт внутреннего и социального пространства.

Хронотопический анализ произведений русской художественной прозы свидетельствует о том, что с помощью фразеологических средств активно создаются обширные и разноплановые пространственно-временные характеристики повествовательного текста, отражающие жанровую специфику литературного нарратива, его сюжетно-композиционные особенности и своеобразие смысловой структуры произведения.

Глава 3 «Фразеологические единицы в повествовательной структуре художественного текста» содержит нарративный анализ ФЕ, на основании которого устанавливаются особенности жанрообразующего, текстообразующего и стилеобразующего функционирования устойчивых оборотов, раскрываются сюжетообразующая, текстоконструирующая и текстопорождающая роли фразеологизмов в литературном нарративе.

Первый параграф «Роль фразеологических единиц в субъектно-речевой организации повествовательного текста» посвящён рассмотрению разных типов фразеологических конфигураций, представляющих собой речевые планы повествователя и персонажей: авторский монолог, художественный диалог и внутреннюю речь героев, косвенную и несобственно-прямую речь.

В повествовательном тексте обширно представлены фразеологические конфигурации, относящиеся к разным жанрам описания (портрет, пейзаж, интерьер, характеристика человека или состояния, описание предмета или процесса). Такие контексты обычно содержат субстантивные и адъективные ФЕ с различной оценочной семантикой, которая раскрывается путём детализации, выявления более частных признаков, свойственных человеку, предмету, явлению или событию: *флигелёк на курьих ножках; палаты...походили на карточный домик* (Тургенев); *домик хоть куда* (Салов); *Одной кровью мы с ним мазаны* (Шишков); *хлеб-соль родительская; отрезанный ломоть* (Мельников-Печерский) и др.

Фразеологизмы связывают речевые планы повествователя (рассказчика) и персонажа (персонажей) в единую повествовательную ткань, передают сближение или различие их позиций. Ключевые ФЕ создают субъектную многоплановость произведения, его повествовательную полифонию, формируют сферы разных персонажей, образуют зоны пересечения нескольких точек зрения, организующих повествование в пределах одного высказывания, блока высказываний, целой главы или ряда глав.

С помощью фразеологических средств по-разному осуществляется литературная коммуникация на внутритекстовом (нарративном) уровне повествования: складывается коммуникативная неудача (*из красавца павлина вдруг превратился в мокрую курицу; актёрство лияло в нём; и тут, как смертельный удар в самое сердце, – тихий воркующий голос... – Шишков*); реализуется эффективное коммуникативное воздействие одного персонажа на другого (*материнские злослычные речи доходят по назначению, западают ему в душу – Засодимский*); осуществляется экспрессивная языковая игра, основанная на использовании фразеологических синонимов, повторов-подхватов в смежных репликах диалога (*Гусь свинье не товарищ; Бог не выдаст, свинья не съест – Лесков; В доску! В лоск! В дымину! В стельку! В дрезину! В зелёного змия! – Максимов*).

Специфика фразеологических средств субъектно-речевой организации повествования обусловлена своеобразием культурно-языковой ситуации той эпохи, когда было создано произведение. В русской прозе XIX века в диалогах персонажей воспроизводятся этикетные формулы и клише, наиболее свойственные тому времени (употребление ФЕ с компонентами *Бог, Господь, сударь, сударыня*); используются устойчивые обороты, которые воспринимаются современным читателем как устаревшие; объёмнее представлена речевая сфера повествователя. В произведениях XX века происходит усиление субъективации нарратива, осуществляется заметная демократизация речи героев; в повествовательной структуре текста шире представлен речевой план персонажа, в том числе несобственно-прямая речь, тесно переплетённая с собственно авторским словом.

Во втором параграфе «Особенности использования фразеологических единиц в художественных текстах разных типов повествования» характеризуется своеобразие употребления ФЕ в традиционном нарративе от первого и третьего лица, а также в нетрадиционном повествовании, представляющем собой сказовое повествование и несобственно-прямой дискурс, выявляются общие черты и различия фразеологических средств, обусловленные типологией повествовательной формы.

Нарративный анализ ФЕ последовательно осуществляется в повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (перволичный нарратив), в повести П.В. Засодимского «Тёмные силы» (третьеличный нарратив); в рассказе В.Я. Шишкова «Таёжный волк» (сказовое повествование), в рассказе Р. Киреева «Лунные моря в камышах и с водою» (несобственно-прямой дискурс). В произведениях XIX века литературная коммуникация шире представлена на фразеологическом уровне ХТ в сферах *рассказчик – читатель* (Тургенев) и *повествователь – читатель* (Засодимский), что усиливает аналитизм повествования. В художественных текстах писателей XX века преобладает взаимодействие речевых планов *рассказчика и сказителя*

(Шишков), автора и персонажа (Киреев), что способствует субъективации нарратива.

Во всех типах повествования общим способом выражения авторской позиции являются философские сентенции, репрезентирующие концептуальное содержание произведений: *В виду смерти исчезают все земные суетности* (Тургенев); *Но бедному... быть добрым и любящим несравненно труднее, чем пройти толстой верёвке сквозь игольное ушко; Поговорка: не так живи, как хочется, а как можется, – для бедных не поговорка, а закон* (Засодимский); *Умишком жить – носом по земле елозить, хвостом звериным к правде. Умом жить – на корячки встать, мордой человеческой к правде. Умищем жить – на ноги подняться, за сегодняшний краешек правду взять* (Шишков); *Бесследно ничто не исчезает* (Киреев).

Если в произведениях XIX века сентенции в основном употребляются в авторском монологическом слове (Засодимский) или в речи рассказчика (Тургенев), то в прозе XX века философскими раздумьями о жизни пронизаны речевые партии персонажей: художественный диалог (Шишков), несобственно-прямая речь (Киреев). Эта особенность отражает динамику нарративной техники писателей в сторону усиления речевой индивидуализации героев и психологизма повествования.

Ещё одним общим способом выражения авторской позиции в традиционном и нетрадиционном нарративах являются оценочные характеристики персонажей, созданные с помощью разных фразеологических средств. Обычно в повествовании от первого лица преобладают самохарактеристики рассказчика-персонажа: *с замочком внутри; лишняя птица; глупое пятое колесо в телеге* (Чулкатурин в повести Тургенева); *таёжный волк* (сказитель Бакланов в рассказе Шишкова). В третьеличной форме повествования значительное место занимают собственно авторские оценки: *валились, как мухи: очертя голову, полетела в пропасть* (Засодимский). В несобственно-прямом дискурсе, где автор вербализует мысли главного героя, широко представлены иронические взаимохарактеристики персонажей: с

суровым своим критиком; инженер человеческих душ; старость... уже запустила в неё свои тлетворные коготки (Киреев).

Отражением своеобразия разных уровней литературной коммуникации является использование ФЕ, передающих речемыслительные процессы: *приходит в голову; чесался язык; язык немеет* (Тургенев); *нёс какую-нибудь очередную околесицу; воздаёт всему осанну; помалкивай в тряпочку* (Шишков); *плела небесные кружева* (Киреев).

Типологические свойства нарратива определяют особенности использования ФЕ в ХТ: влияют на способы выражения повествовательной точки зрения, которая может быть представлена с помощью фразеологических средств в эксплицитованном или имплицитованном виде; усиливают аналитизм или психологизм повествования, что зависит от степени объективности – субъективности авторской позиции; формируют специфику всех уровней литературной коммуникации; обуславливают приёмы нарративной техники писателя, которые в совокупности создают авторскую тактику в повествовательном дискурсе, обеспечивая его структурно-смысловую целостность.

Третий параграф «Сюжетобразующая роль фразеологических единиц в повествовательном дискурсе» посвящена характеристике ФЕ, участвующих в создании событийных рядов, которые обеспечивают последовательность элементов сюжета: экспозиции, завязки, кульминации, развязки. Доминантные фразеологические конфигурации семантически связаны с предшествующими и последующими текстовыми фрагментами, которые в совокупности способствуют интеграции общего смысла целого текста.

Сюжетобразующая роль ФЕ проявляется в динамике развёртывания проспективно-ретроспективных взаимодействий лексико-фразеологических компонентов в составе текстовых парадигм, представляющих панораму событий и эксплицитующих концептуальное содержание произведения.

Устойчивые обороты создают обширные семантические поля, смысловыми доминантами которых являются процессуальные ФЕ. Они

передают развитие событий, характеризуют этапы жизни героев, способствуют продвижению действия в пространстве и времени.

Наиболее ярко и убедительно в русской повествовательной прозе представлены концептуальные поля, репрезентирующие содержание базовых понятий *путь – дорога*, связанных с мотивом жизненного пути героев: *выступить на путь* (Лесков); *указать настоящий путь* (Гончаров); *вывести на большую дорогу* (Салов); *идти по истинному, прямому пути* (Зайцев) и др.

К ядерным компонентам фразеосемантических полей относятся также ключевые обороты, создающие неоднократные повторы в дистантно расположенных фрагментах текста: *играла видную роль – вошла в роль – вела игру* (Лесков); *(жизнь) сворачивает в сторону – (какие-то силы) отнесли его в сторону от настоящей дороги – (что-то) повернуло бы... жизнь в другую сторону; выбилась из русла – сбился с линии* (Зайцев).

Различные виды фразеологических повторов создают лейтмотивность произведения, организуют развитие сюжета, передают разные фазы действия (начало, продолжение, завершение процесса) путём изменения видо-временных форм глаголов, категории залога и модального плана высказывания: *идите по следам вашего дядюшки – продолжай идти по моим следам* (Гончаров); *помогали вывести в люди – вышел в люди* (Салов); *заварилась очень крупная каша даже не для уездного города – настоящая каша заваривается ещё только теперь* (Мамин-Сибиряк); *для жизни надо линию, без линии невозможно – нашла свою линию* (Зайцев).

Фразеологические повторы соединяют ряд последовательных фрагментов, рассредоточенно расположенных в тексте, способствуя их объединению в одну сюжетную линию или нескольких сюжетных линий – в общую повествовательную ткань произведения.

Система фразеологических средств повествовательного дискурса участвует в создании комплексных нарративных характеристик текста: типа повествования, субъектно-речевой организации, повествовательной полифонии, литературной коммуникации, повествовательной точки зрения. Разнообразные

приёмы использования ФЕ формируют авторскую тактику, направленную на реализацию общей текстовой стратегии, отражающей творческий замысел литературного произведения, его образную специфику.

Глава 4 «Фразеологические единицы в концептуальной структуре художественного текста» содержит концептуальный анализ ФЕ, в результате которого определяются особенности концептообразующего, текстообразующего и стилеобразующего функционирования устойчивых оборотов, выявляются текстопорождающая, когнитивная и рецептивно-эмотивная роли фразеологизмов в ХТ.

В первом параграфе «Особенности создания текстовых концептуальных полей средствами фразеологии» рассматривается система фразеологических средств вербализации индивидуально-авторских художественных концептов в повести А.М. Ремизова «Неуёмный бубен» (1910), в рассказах Н.С. Лескова «Старый гений» (1884), И.А. Бунина «Солнечный удар» (1925), П. Романова «Без черёмухи» (1926).

ФЕ активно участвуют в формировании образных кодов вербализации авторских идей. Ключевые текстовые метафоры являются наименованиями художественных концептов, репрезентация которых осуществляется с помощью фразеологических компонентов ассоциативно-смысловых полей. Полевые структуры в анализируемых произведениях включают в свой состав ФЕ-заголовки и смысловой фразеологический ряд, эксплицирующий семантику ключевого образа: *неуёмный бубен – пускается во все тяжкие; хлебом не корми; небу жарко; словно в бубен бьёт* (Ремизов); *старый гений – чин из четырнадцати овчин; четырнадцатый класс; четырнадцативчинный* (Лесков); *солнечный удар – точно затмение нашло* (Бунин); *без черёмухи – канитель разводить; китайские церемонии; антимонии разводить; солдаты революции; нищая братия* (Романов).

Метафоры-заголовки подвергаются различным творческим трансформациям с учётом авторского замысла и особенностей языковой личности писателя. Ремизов и Романов создают окказиональные обороты,

представляющие собой перифразы общеязыковых ФЕ или известных крылатых выражений: *неуёмный бубен (бесструнная балалайка)*; *без черёмухи (без божества, без вдохновенья)*. Лесков осуществляет контаминацию на базе узуальных фразеологизмов: *старый гений (старый волк + добрый гений)*. Бунин представляет в метафорическом ключе составное медицинское наименование *солнечный удар*.

В рассказах П. Романова «Без черёмухи» и И.А. Бунина «Солнечный удар» наблюдаем более тесные семантические взаимодействия лексических и фразеологических компонентов концептуальных полей за счёт смысловой двойственности ключевых образов: доминантные лексемы *солнце* и *черёмуха* непосредственно употребляются в прямом значении, а также в процессе развёртывания текстовой семантики приобретают многомерный метафорический смысл.

Если в произведениях Лескова и Ремизова ФЕ-названия являются субстантивированными характеристиками персонажей (*старый гений; неуёмный бубен*), то Бунин и Романов выносят в заголовки рассказов о любви метафоры, передающие чувство-состояние героев (*солнечный удар; без черёмухи*).

В повествовательных дискурсах Ремизова и Бунина шире представлены фразеологизмы с процессуальной семантикой. Они являются ядерными компонентами концептуальных полей (*тускается во все тяжкие* – Ремизов; *точно затмение нашло* – Бунин) и составляют периферийную полевую зону: *не снёс головы; отошёл в вечную жизнь* (Ремизов); *сердце сжалось; сердце разрывалось на части* (Бунин). Процессуальные ФЕ передают динамику событий и диалектику переживаний героев, что способствует формированию дополнительных текстовых смыслов, усилению драматизма повествования: в повести Ремизова изображается смерть героя, в рассказе Бунина – сильные душевные страдания персонажа.

В рассказах Лескова «Старый гений» и Романова «Без черёмухи» ярче выражены социальные мотивы. Писатели показывают, как поступки и мысли

героев обусловлены их общественным положением. С помощью ФЕ создаются характеристики социального статуса персонажей: *чин из четырнадцати овчин* (Лесков); *солдаты революции* (Романов).

Доминантные ФЕ способствуют обобщению, генерализации авторских идей, становятся символами, обладающими комплексностью концептуального содержания: многомерность их смысла отражает универсально-типологические и индивидуально-авторские ментальные представления, формирует образные константы идиостиля, транслирующие специфические черты языковой личности писателя.

Во втором параграфе «Роль фразеологических серий в репрезентации концептуального содержания текста» рассматривается фразеологическая серия сквозных межтекстовых образов с общим компонентом *жизнь* в романах И.А. Гончарова «Обыкновенная история» (1846) и А.М. Ремизова «Пруд», а также в повести Л.Н. Толстого «Крейцера соната» (1890). Эти произведения содержат философские раздумья и социально-типологические обобщения, которые основываются на авторских трактовках нравственных понятий и моральных ценностей. Писатели изображают столкновение индивидуальных жизненных представлений героев с общепринятыми нормами и стереотипами.

Ключевые символы *деревянная жизнь* 'материально благополучная, внешне успешная, но внутренне бессодержательная, бездуховная жизнь' (Гончаров); *бесплатная жизнь* 'бездумная, эгоистическая жизнь только для себя, без заботы о других людях' (Ремизов); *свиная жизнь* 'безнравственная семейная жизнь ради чувственных удовольствий' (Толстой) являются средством выражения авторской позиции, формируют негативную текстовую модальность и эксплицируются системой образных средств, создающих идиостиль писателей.

Яркой особенностью романа Гончарова является творческое использование преобразованных элементов интертекста, в основном литературных источников, создающих иронию, что служит выразительным средством развенчивания романтических устремлений Адуева-младшего: *без*

вдохновенья, без слёз, без жизни, без любви... и без волос!; гнев моськи на слона и др. Писатель широко использует приём смыслового выделения фразеологических компонентов, приобретающих в тексте символический смысл: *знаки (вещественные знаки неведущественных отношений); небо (священные и высокие чувства, упавшие... с неба в земную грязь); пар (выпустить пар)* и т.д. Эти символы являются образным средством обобщения беспочвенной мечтательности.

Роман Гончарова имеет сложную субъектно-речевую организацию, в раскрытии его концептуального содержания центральное место занимают диалоги и письма персонажей. Поэтому языковая личность автора включает в качестве составных компонентов языковые личности героев произведения, речь которых отличается эмоциональностью и метафоричностью, является контекстом порождения индивидуально-авторских оборотов: *деревянная жизнь* (Александр); *жёлтые цветы* (дядюшка); *вещественные знаки неведущественных отношений* (Александр). В речи Адуева-старшего создаётся философская сентенция, которая выражает диалектику бытия: *Всякому своё: одному суждено витать в небесных пространствах, а другому рыться в назёме и оттуда добывать сокровища.*

В романе Ремизова «Пруд» философская сентенция является жизненной заповедью героев и создаёт текстовый рефрен, организующий ключевые фрагменты повествования: *Надо принять всю судьбу – всякую долю, и принять её вольно и кротко, и благословить её всю до конца.* Образная система романа основана на христианских мотивах, отражает церковно-религиозную языковую традицию.

В отличие от Гончарова Ремизов шире использует внутренние монологи и несобственно-прямую речь персонажей, пронизанную размышлениями о жизни. Тесное взаимопереплетение речевых партий автора и героев создаёт не только субъективизм, но и аналитизм повествования, построенного на развёртывании сюжетных линий героев. Автор одновременно рисует духовное возвышение одного персонажа и моральную деградацию другого, используя

традиционные образные средства-символы *свет – тьма: греющие лучи-мысли стоятеля Божьего представлялись ему... засорёнными источниками, мутным светом сквозь мглистое снежное небо.*

Традиционная символика, восходящая к архетипам мировой культуры, используется также в повести Л. Толстого «Крейцера соната». Ключевыми образами являются метафоры-синонимы *бездна – пучина*, характеризующие глубину семейного конфликта Позднышевых: *бездна несчастья и гнусной лжи, в которой я барахтался; между нами была... страшная пучина*. Произведение обладает сильным обличительным пафосом. Так же, как и Гончаров, Толстой использует языковые средства сатиры. Но если в «Обыкновенной истории» создаётся лирическая ирония путём каламбура (*без божества – без волос*), то в «Крейцеровой сонате» преобладает трагический сарказм, окрашенный резкой негативностью: *поганый царь природы*. Трансформированный фразеологический перифраз передаёт авторское осуждение животных инстинктов.

Представляя индивидуально-авторскую трактовку нравственных устоев бытия, писатели создают оригинальные системы образных средств, репрезентирующих концептуальный смысл ключевых символов. Фразеологическая серия *деревянная жизнь – бесплатная жизнь – свиная жизнь* обладает интегральными и дифференциальными семантическими признаками, которые обусловлены особенностями мировоззренческих позиций писателя, идейным замыслом произведения, сюжетно-тематическим своеобразием текста, культурно-языковой ситуацией эпохи, спецификой языковой личности автора.

Третий параграф «Национально-культурная специфика фразеологических единиц в художественном тексте» посвящён рассмотрению ФЕ с национально-маркированной семантикой в ключевых эпизодах романов П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1933), В. Максимова «Заглянуть в бездну» (1986), «Кочевание до смерти». Специфические черты национальной картины мира представлены фразеологическими средствами как в собственно авторском повествовании, так

и в речи персонажей. Культурные коннотации ФЕ проявляются в разноаспектных характеристиках различных сторон национальной жизни и интернациональных связей и отношений.

В творчестве каждого писателя прослеживаются индивидуальные черты создания культурно-национального колорита фразеологии. В романе Мельникова-Печерского отражён локальный аспект религиозного самосознания. С помощью ФЕ *чин чином; Со своим уставом в чужой монастырь не ходят; Что мужик – то вера, что баба – то устав* представлены обряды и обычаи поволжских старообрядцев середины XIX века. В романах Шишкова и Максимова, прозаиков XX века, показаны глобальные культурные взаимодействия в сферах *русское – иностранное, национальное – интернациональное*.

В повествовательном дискурсе Шишкова особую выразительность приобретает субъектно-речевой план персонажей. Комическая окрашенность речи иностранца является одним из способов выражения авторской позиции. Писатель иронически характеризует непонимание сложностей русского национального духа представителем иной культурной среды. Это проявляется в искажённом воспроизведении чужеземцем русских паремий, традиционно отражающих стереотипы национальной культуры. Трансформированные обороты представляют собой своеобразную контаминацию различных культурных пластов – преломление в сознании американца типично русских ментальных особенностей: *Хлеб ешь с солью, а правду режь ножичком; На чужую кровать рта не разевать*. Речевые искажения усиливают национально-культурную окрашенность русских фразеологизмов, часто не имеющих эквивалентных переводов на другие языки.

Общей особенностью романов Мельникова-Печерского и Шишкова является смысловая оппозиция *свои – чужие*, отражающая концептуальное содержание произведений: *Со своим уставом в чужой монастырь не ходят* (Мельников-Печерский); *На чужую кровать рта не разевать; Сор в чужую избу мести не надо* (Шишков). Ср. с перифразом библейского выражения в

романе Максимова «Ковчег для незваных»: *Своих много, да все чужие (Много званых, да мало избранных)*.

В художественном творчестве Максимова широко отразились интернациональные мотивы. Писатель часто обращается к архетипам мировой культуры, обогащая их новым содержанием. В его романах трансформируются зарубежные литературные источники, приобретая русские национальные черты: *ярмарка тщеславия* (Теккерей) – *гнусное торжище уязвлённых самолюбий* (Максимов).

Общей особенностью романов Максимова и Шишкова является использование метафор, компонентов ФЕ, восходящих к социально-бытовым и культурным реалиям народной жизни русских людей: *хлеб-соль, каравай, изба* (Шишков); *ярмарка, сума, тюрьма* (Максимов).

Концептуальный анализ фразеологии в ХТ свидетельствует о том, что устойчивые обороты выполняют важную роль в смыслообразовании текста, обладают высоким текстопорождающим потенциалом, участвуют в создании художественной картины мира, отражают особенности мировидения писателя, являются образными константами идиостиля.

Глава 5 «Фразеологические единицы как средство создания интертекстуальных связей художественного текста» содержит интертекстуальный анализ ФЕ, завершающий комплексное исследование устойчивых оборотов в повествовательном дискурсе. Многоаспектные характеристики разных типов межтекстового взаимодействия позволяют интегрировать базовые функции ФЕ в глобальную стилеобразующую функцию и объединить все уровни литературной коммуникации ХТ в единое коммуникативное и семантическое пространство текста.

Первый параграф «Фразеологизмы-интертекстымы в структурно-смысловой организации повествования» посвящён рассмотрению особенностей функционирования фразеологических библеизмов в романе В. Максимова «Ковчег для незваных» (1978).

Библейские ФЕ-интертексты занимают центральное место в концептуальной структуре романа, организуют повествование на всех уровнях текста: на уровне микроконтекста и макроконтекста. Сильные позиции библеизмов (заголовок, эпиграф, ключевые повторы, финал произведения) предопределяют формирование концептуального смысла романа.

Базовые понятия *ковчег, бездна, хлябь, твердь, крест, ноша*, являясь компонентами ФЕ, восходят к архетипам мировой культуры, приобретают в произведениях Максимова индивидуально-авторские смыслы, становятся символами, обобщающими конкретные жизненные факты, отдельные события и характеры. Создаётся полисемия стержневого образа за счёт появления текстовых смысловых приращений: *земная твердь* как земля, почва и *твердь* как жизненная основа. Уточняется, конкретизируется исходная семантика библеизма путём экспликации сем: *ковчег* 'ненадёжное средство спасения'. Библейская фразеология, используемая Максимовым, является источником интертекстуальной деривации: *Ноев ковчег – утлый ковчег*. ФЕ-библеизмы подвергаются различным трансформациям путём расширения или сокращения компонентного состава: *изгнать из храма – гнать из Храма Божьего сквалыжную братию; Содом и Гоморра – Содом*.

Контаминация заголовка и неоднократное перефразирование эпиграфа в тексте романа «Ковчег для незваных» способствуют смысловой компрессии, генерализации авторских идей, имплицитно выраженных афористическими конструкциями: *Народу много, а людей нету; Своих много, да все чужие (Ибо много званых, а мало избранных)*.

Важную роль в создании интертекстуальных связей выполняют фразеологические конфигурации, являющиеся фрагментами вставных эпизодов, образующих интерпретанту ХТ (Риффатер). Авторские истолкования и творческие переработки библейских образов и сюжетов способствуют более точному пониманию глубинного смысла произведения, составляют связующее звено между собственно текстом и претекстом (Библией), обеспечивают

адекватное декодирование концептуального смысла, ярко выраженного фразеологическими средствами.

Во втором параграфе «Фразеологические средства создания метатекстовых связей» рассматриваются метатекстовые связи в литературно-критической статье В. Воровского «В кругу и вне круга» (1913), являющейся откликом на повествовательное произведение Семёна Юшкевича «Вышла из круга».

Устойчивые обороты выполняют важную роль в формировании структуры и семантики индивидуально-творческой интерпретации художественного произведения. Метаязык критика отражает движение его мысли вслед за автором повествования. Воровский воспроизводит доминантные образы Юшкевича, используя их в качестве точных фразеологических повторов или подвергая различным трансформациям. Ключевые авторские обороты *вышла из круга*, *открыть форточку* и др. определяют построение и содержание метатекстовых фрагментов статьи, являются ядерными компонентами фразеосемантического поля, репрезентирующего концептуальный смысл повествования.

Трактовка критика привносит индивидуальные семантические оттенки, которые формируются в результате взаимодействия трансформированных ФЕ с контекстным окружением. Преобразования фразеологизмов носят разный характер: часто Воровский использует замену авторского компонента (*открыть форточку* – *открыть дверь*, *захлопнуть форточку*); расширение компонентного состава (*выйти из круга* – *выйти из этого родного круга*).

В метаязыке критика присутствуют такие фразеологизмы, которых непосредственно нет в исходном прототексте: *без руля и без ветрил*; *никакой новой путеводной звезды*; *широкие массы, выбитые из колеи старой жизни и не поставленные ещё на рельсы новой*. Эти фразеологизмы помогают усилить социально-философскую направленность статьи, острее выразить смысловую оппозицию *старое* – *новое*.

Индивидуальность критического мышления Воровского проявляется также в том, что он, аргументируя свои выводы, помимо цитирования Юшкевича, широко использует другие литературные источники (Пушкин, Тургенев, Достоевский). Ссылаясь на афористические высказывания русских писателей XIX века, критик побуждает читателя статьи глубже осмыслить произведение Юшкевича, соотнести авторские идеи с традиционными проблемами и сквозными мотивами классической литературы.

Третий параграф «Фразеологические средства создания интермедальных связей произведений искусства» посвящён исследованию особенностей функционирования ФЕ в рассказах В. Гаршина «Художники» (1879) и В. Набокова «Музыка» (1938), где прослеживаются взаимодействия ХТ с живописью и музыкой. Писатели широко используют устойчивые обороты, которые создают психологизм повествования, передают эмоциональное состояние персонажей, динамически характеризуют процесс восприятия произведений искусства.

Общей особенностью творчества Гаршина и Набокова является употребление лексико-фразеологических рядов с ключевыми компонентами *глаза, сердце*, которые отражают взаимосвязь зрительных и слуховых впечатлений героев, что способствует усилению эмоционального влияния искусства, духовному возвышению персонажей: *стать перед глазами; ударить в сердце* (Гаршин); *не знать, куда глаза девать; не поднимая глаз; ударило сердце* (Набоков). Оба писателя для передачи раздающихся звуков используют морфологически трансформированные процессуальные ФЕ с компонентом-причастием: *режущие ухо созвучия* (Гаршин); *всю душу отдавший аккорд* (Набоков).

Оба писателя, повествуя о великой силе искусства, обширно представляют речевые сферы персонажей, дают им возможность самим выразить свои многогранные впечатления, знаменующие переломные события жизни. Ключевыми оборотами являются ФЕ, создающие смысловую

опозицию в рассказе Гаршина (*нюхать розу – сойти с рельсов, сойти с ума*) и смысловую доминанту в рассказе Набокова (*дышать одним воздухом*).

Интертекстуальный анализ ФЕ свидетельствует о том, что устойчивые обороты активно функционируют в повествовательном дискурсе на внешнетекстовом уровне литературной коммуникации. Продуктивное общение в сфере *автор 1 – автор 2* приводит к формированию выразительной образной системы, обусловленной смысловыми взаимодействиями с текстом-предшественником или другими видами искусства. Выбор текста-источника, на базе которого осуществляются структурно-семантические преобразования, зависит от авторского замысла, жанровых и сюжетно-композиционных особенностей произведения, культурно-языковой компетенции автора и художественно-эстетических принципов его творчества.

В Заключении обобщаются результаты исследования, определяются перспективы изучения фразеологии в повествовательном дискурсе.

Применение методики комплексного анализа ФЕ, последовательно включающей хронотопический, нарративный, концептуальный, интертекстуальный анализ, позволило выявить и обосновать особенности функционирования устойчивых оборотов на всех уровнях организации литературного нарратива.

Фразеологические единицы занимают одно из центральных мест в образной системе повествовательного дискурса. При активном участии устойчивых оборотов отражается авторская позиция, создаётся текстовая модальность, складывается идиостиль писателя. Глобальная стилеобразующая функция ФЕ комплексно реализуется в сложном процессе формирования жанровой структуры произведения, порождения и динамики текстовых смыслов, создания концептосфер ХТ. Интегративность жанрообразующей, текстообразующей, концептообразующей функций устойчивых оборотов, многоаспектно и объёмно реализующих стилеобразующее функционирование ФЕ, свидетельствует об их высоком нарративном потенциале, обусловленном коммуникативной природой ХТ, спецификой семантической структуры

фразеологизмов и диалектикой взаимодействия ФЕ с другими текстовыми единицами.

Исследование может быть продолжено и углублено в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале произведений писателей-современников, представителей общего литературного направления, а также авторов разных культурно-исторических эпох. Расширение спектра исследований межтекстовых взаимодействий, осуществляемых фразеологическими средствами, потребует обращения к авторским черновикам и художественным переводам. Комплексный анализ ФЕ в рукописных вариантах и канонических текстах писателя даст возможность проследить эволюцию его идиостиля, определить характер творческих модификаций ФЕ, обусловленных специфическими чертами языковой личности. Наблюдения над изменениями устойчивых оборотов в тексте-оригинале и его художественных переводах на другие языки предоставляют широкие возможности для реализации концептуального анализа, выявления национально-культурной специфики ФЕ, своеобразия литературной коммуникации в межкультурных сферах *автор – переводчик – иностранный читатель*.

Результаты и выводы диссертационного сочинения составят основу концепции словаря сквозных фразеологических образов русской художественной прозы XIX – XX веков.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях.

Монографии:

1. **Фокина, М.А.** Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX вв. [Текст]: научная монография / М.А. Фокина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 378 с. (22,4 п. л.)
2. **Мелерович, А.М., Фокина, М.А.** Русская фразеология [Текст]: учебное пособие для лицеев, гимназий, школ гуманитарного профиля / А.М. Мелерович, М.А. Фокина. – Кострома: КГУ, 2001. – 77 с. (4,8 п. л., авторский вклад – 1,6 п. л.)

3. Мелерович, А.М., Мокиенко, В.М., Третьякова, И.Ю., Фокина, М.А., Якимов, А.Е. Жизнь русской фразеологии в художественной речи [Текст]: проспект школьного фразеологического словаря / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, И.Ю. Третьякова, М.А. Фокина, А.Е. Якимов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 245 с. (12 п. л., авторский вклад – 2 п. л.)

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

4. Фокина, М.А. Фразеологические единицы в субъектно-речевой организации повествовательного текста [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2004. – № 3. – С. 83-90. (0,5 п. л.)
5. Фокина, М.А. Фразеологические средства создания метатекстовых связей (по статье В.В. Воровского «В кругу и вне круга») [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2004. – № 5. – С. 62-71. (0,6 п. л.)
6. Фокина, М.А. Фразеологизмы в традиционном нарративе русской прозы XIX века [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 1. – С. 114-122. (0,6 п. л.)
7. Фокина, М.А. Фразеологизмы в сказовом повествовании и несобственно-прямом дискурсе (по произведениям русской прозы XX века) [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 2. – С. 170-176. (0,4 п. л.)
8. Фокина, М.А. Фразеологизмы-интертексты в структурно-смысловой организации повествования [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 10. – С. 48-52. (0,3 п. л.)
9. Фокина, М.А. Фразеологические серии в системе образных средств художественного текста (на материале русской прозы XIX – XX вв.) [Текст] / М.А. Фокина // Русский язык в школе. – 2008. – № 6. – С. 62-65. (0,25 п. л.)
10. Фокина, М.А. Сюжетообразующее функционирование фразеологии в повествовательном дискурсе [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Московского

государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2008. – № 1. – С. 35-39. (0,3 п. л.)

11. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства создания образа лирического рассказчика в повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека» [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 20. – С. 170-174. (0,3 п. л.)

Другие публикации:

12. **Фокина, М.А.** О текстообразующей и концептообразующей функциях фразеологических единиц в художественном тексте (на материале цикла повестей А.Ремизова) [Текст] / М.А. Фокина // Вестник Костромского госпедуниверситета им. Н.А. Некрасова. – 1997. – № 1. – С. 95-96. (0,125 п. л.)
13. **Фокина, М.А.** Роль фразеологии в создании идиостиля Владимира Максимова [Текст] / М.А. Фокина // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной научной конференции. – В 2 томах. – Том 1. – М.: СпортАкадемПресс, 1998. – С. 298-300. (0,2 п. л.)
14. **Фокина, М.А.** Фразеологические конфигурации как одно из языковых средств создания образа литературного героя (по роману В. Максимова «Ковчег для незваных») [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 2000. – С. 36-40. (0,3 п. л.)
15. **Фокина, М.А.** Особенности функционирования фразеологических единиц в диалогической речи (по романам В. Максимова) [Текст] / М.А. Фокина // Фразеология – 2000: материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы». – Тула: ТГПУ, 2000. – С. 186-189. (0,25 п. л.)
16. **Фокина, М.А.** Фразеологизмы, восходящие к славянской мифологии, в русской прозе XX века [Текст] / М.А. Фокина // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура:

- материалы Всероссийской научной конференции. – В 2 частях. – Часть 2. – Иваново: ИвГУ, 2001. – С. 91-94. (0,25 п. л.)
17. **Фокина, М.А.** Фразеологические единицы и хронотоп художественного текста [Текст] / М.А. Фокина // Текст. Структура и семантика: доклады VIII Международной научной конференции. – В 2 томах. – Том 2. – М.: СпортАкадемПресс, 2001. – С. 209-212. (0,25 п. л.)
18. **Фокина, М.А.** Фразеологические единицы в кольцовой организации рассказа В.В. Вересаева «Euthymia» [Текст] / М.А. Фокина // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ВГТУ, 2001. – С. 122-123. (0,125 п. л.)
19. **Фокина, М.А.** Индивидуально-авторские обороты, восходящие к свободным словосочетаниям, как явление переходности во фразеологии [Текст] / М.А. Фокина // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков (Вторые Жуковские чтения): материалы Международного научного симпозиума. – Великий Новгород: НовГУ, 2001. – С. 203-204. (0,125 п. л.)
20. **Фокина, М.А.** Культурно-национальная специфика фразеологизмов, характеризующих жизнь старообрядцев (по роману П.И. Мельникова-Печерского «В лесах») [Текст] / М.А. Фокина // Фразеология и миропонимание народа: материалы Международной научной конференции. – В 2 частях. – Часть 2: Фразеология и межкультурная коммуникация. – Тула: ТГПУ, 2002. – С. 200-203. (0,25 п. л.)
21. **Фокина, М.А.** Создание гипертекста средствами фразеологии (по рассказу Н.С. Лескова «Старый гений») [Текст] / М.А. Фокина // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. – Киров: ВГТУ, 2002. – С. 123-125. (0,2 п. л.)
22. **Фокина, М.А.** Фразеологизм *отрезанный лопоть* в структурно-смысловой организации повествования (по роману П.И. Мельникова-Печерского «В лесах») [Текст] / М.А. Фокина // Вопросы семантики современного русского

- языка: материалы межвузовского научно-практического семинара. – Кострома: КГУ, 2002. – С. 23-25. (0,2 п. л.)
23. **Фокина, М.А.** Фразеологические единицы в системе языковых средств создания жанровой формы художественного текста (на материале прозаических произведений И.А. Бунина) [Текст] / М.А. Фокина // Семантика языковых единиц разных уровней: межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 2002. – С. 34 – 38. (0,3 п. л.)
24. **Фокина, М.А.** Сюжетобразующая роль фразеологических единиц в художественных текстах разных повествовательных типов (по произведениям русской прозы XX века) [Текст] / М.А. Фокина // Русский язык, литература и культура в современном обществе: материалы международной научной конференции. – Иваново: ИвГУ, 2002. – С. 102-106. (0,3 п. л.)
25. **Фокина, М.А.** Фразеология в системе языковых средств организации текста (по рассказу Н.А. Некрасова «Без вести пропавший пнята») [Текст] / М.А. Фокина // Н.А. Некрасов: современное прочтение: материалы межвузовской научной конференции. – Кострома: КГУ, 2002. – С. 163-168. (0,375 п. л.)
26. **Фокина, М.А.** Лексико-фразеологические средства организации повествовательного текста (по произведениям русской прозы XX века) [Текст] / М.А. Фокина // Русское слово: синхронический и диахронический аспекты: материалы международной научной конференции. – Орехово-Зуево: МГОПИ, 2003. – С. 271-273. (0,2 п. л.)
27. **Фокина, М.А.** Фразеологические синонимы и антонимы в повествовательном дискурсе [Текст] / М.А. Фокина // Семантика и форма фразеологических знаков языка: тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Курган: Изд-во КГУ, 2003. – С. 129-132. (0,25 п. л.)
28. **Фокина, М.А.** Экспликация смысловой структуры текста средствами фразеологии [Текст] / М.А. Фокина // Лингвистика – какая она есть.

Лингвистика – какая она будет: межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 2003. – С. 187-193. (0,4 п. л.)

29. **Фокина, М.А.** Фразеологические микроструктуры в смысловой организации художественного текста (по повести П.В. Засодимского «Тёмные силы») [Текст] / М.А. Фокина // Актуальные проблемы современной филологии: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – В 2 ч. – Часть 2. – Киров: ВГГУ, 2003. – С. 115-118. (0,25 п. л.)
30. **Фокина, М.А.** Фразеология в художественном пространстве романа [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: материалы межвузовской научной конференции. – Иваново: ИвГУ, 2003. – С. 150-159. (0,6 п. л.)
31. **Фокина, М.А.** Функции устойчивых оборотов в повествовательном дискурсе Н.А. Некрасова и А.Н. Островского [Текст] / М.А. Фокина // А.Н. Островский в движении времени: материалы Всероссийской научной конференции. – В 2 томах. – Том 1. – Шуя: ШГПУ, 2003. – С. 121-126. (0,375 п. л.)
32. **Мелерович, А.М., Фокина, М.А.** К вопросу об онтологической сущности и функциях интертекста в художественном дискурсе [Текст] / А.М. Мелерович, М.А. Фокина // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов международной научной конференции. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. – С. 54-58. (0,3 п. л., авторский вклад 0,15 п. л.)
33. **Фокина, М.А.** Фразеология в повествовательной структуре романа-эпопеи В.Я. Шишкова «Угрюм-река» [Текст] / М.А. Фокина // Свет науки молодой: сборник научных трудов. – В 2 частях. – Часть 1. – Кострома: КГУ, 2003. – С. 196-199. (0,25 п. л.)
34. **Фокина, М.А.** На пути от эпоса к драме: особенности использования фразеологических единиц в повествовательной прозе А.Н. Островского [Текст] / М.А. Фокина // А.Н. Островский в новом тысячелетии: материалы

- научно-практической конференции. – Кострома: КГУ, 2003. – С. 138-143. (0,375 п. л.)
35. **Фокина, М.А.** Фразеологические единицы в сказовых формах повествования (по рассказам В.И. Даля, П.И. Мельникова-Печерского, В.Я. Шишкова) // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: материалы II Всероссийской научной конференции. – Иваново: ИвГУ, 2004. – С. 188-195. (0,5 п. л.)
36. **Фокина, М.А.** Фразеологические единицы в смысловой структуре рассказа (по произведениям И.А. Салова) [Текст] / М.А. Фокина // Текст. Структура и семантика: доклады IX Международной научной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 2004. – С. 197-198. (0,125 п. л.)
37. **Фокина, М.А.** Процессуальные фразеологизмы как средство организации повествовательного текста [Текст] / М.А. Фокина // Фразеологические чтения памяти проф. В.А. Лебединской. – Курган: Изд-во КГУ, 2004. – С. 216-219. (0,25 п. л.)
38. **Фокина, М.А.** Фразеологические единицы в коммуникативном пространстве художественного текста [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы Международной научной конференции (Кострома, КГУ, март 2004 г.). – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – С. 124-130. (0,4 п. л.)
39. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства репрезентации концепта «жизнь» в русской повествовательной прозе XIX – XX веков [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: материалы II региональной научной конференции. – Иваново: ИвГУ, 2004. – С. 114-115. (0,125 п. л.)
40. **Фокина, М.А.** Создание сквозного мотива средствами фразеологии (по роману И.А. Гончарова «Обыкновенная история») [Текст] / М.А. Фокина // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: международная научная конференция: труды и материалы. – Казань: Казанский госуниверситет, 2004. – С. 247-248. (0,125 п. л.)

41. **Фокина, М.А.** Интертекстуальная деривация крылатых выражений в литературно-художественном дискурсе [Текст] / М.А. Фокина // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 315-322. (0,5 п. л.)
42. **Фокина, М.А.** Устойчивые обороты как средство выражения авторской позиции в очерке К. Бальмонта «Без русла» [Текст] / М.А. Фокина // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. – Выпуск 2. – Курган: Изд-во КГУ, 2005. – С. 202-204. (0,2 п. л.)
43. **Фокина, М.А.** Полифункциональность фразеологических единиц в повествовательном тексте [Текст] / М.А. Фокина // Информационный потенциал слова и фразеологизма: сборник научных статей. – Орёл: ОГУ, 2005. – С. 387-391. (0,3 п. л.)
44. **Фокина, М.А.** Национально-культурная маркированность фразеологизмов в литературной коммуникации (по произведениям русской прозы XX века) [Текст] / М.А. Фокина // Диалог культур – культура диалога: материалы международной научно-практической конференции. – В 2 частях. – Часть 2. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 87-90. (0,25 п. л.)
45. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства создания интермедийных связей в художественном тексте (по рассказу В. Набокова «Музыка») [Текст] / М.А. Фокина // Текст. Структура и семантика: доклады X Юбилейной международной научной конференции. – В 2 томах. – Том 2. – М.: Полипромресурс, 2005. – С. 169-173. (0,3 п. л.)
46. **Фокина, М.А.** Функции лексико-фразеологических повторов в повести А.Н. Плещеева «Житейские сцены» [Текст] / М.А. Фокина // А.Н. Плещеев и русская литература: сборник научных статей. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 44-50. (0,4 п. л.)
47. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства создания вторичной коммуникации в литературном нарративе (по произведениям русской прозы XIX – XX веков) [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический

- аспекты): материалы Международной научно-практической конференции (Кострома, март 2006 г.). – М.: ООО «Издательство “Эллис”», 2006. – С. 138-142. (0,3 п. л.)
48. **Фокина, М.А.** Лексико-фразеологические средства оценки художественного творчества В.И. Даля в статье И.С. Тургенева «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» [Текст] / М.А. Фокина // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – лексикография – фразеология: материалы III Всероссийской научной конференции. – Иваново: ИвГУ, 2006. – С. 29-33. (0,3 п. л.)
49. **Фокина, М.А.** Особенности создания текстовых концептуальных полей средствами фразеологии [Текст] / М.А. Фокина // Славянские языки и культура: материалы Международной научной конференции. – Тула: ТГПУ, 2007. – С. 57-60. (0,25 п. л.)
50. **Фокина М.А.** Национально-культурное своеобразие фразеологических символов в романе В.Максимова «Кочевание до смерти» [Текст] / М.А. Фокина // Диалог культур – культура диалога: материалы международной научной конференции. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – С. 345-349. (0,3 п. л.)
51. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства оценочности в «Дневниках» А.Н. Островского [Текст] / М.А. Фокина // Щелыковские чтения – 2006: В мире Островского: сборник статей. – Кострома: Авантитул, 2007. – С. 184-188. (0,3 п. л.)
52. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства репрезентации христианских идей (по роману А.М. Ремизова «Пруд») [Текст] / М.А. Фокина // Духовно-нравственные основы русской литературы: сборник научных статей. – В 2 частях. – Часть 2. – Кострома: КГУ, 2007. – С. 216-221. (0,375 п. л.)
53. **Фокина, М.А.** Особенности метафоризации составных научных терминов в художественном тексте [Текст] / М.А. Фокина // Проблемы ономазиологии и теории номинации: сборник материалов международной научной

- конференции. – В 2 частях. – Часть 1. – Орёл: ОГУ, 2007. – С. 79-82. (0,25 п. л.)
54. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства организации повествовательного текста (по произведениям русской художественной прозы XIX – XX вв.) [Текст] / М.А. Фокина // Текст. Структура и семантика: материалы XI Международной научной конференции. – Т. 2. – М.: СпортАкадемПресс, 2007. – С. 196-200. (0,3 п. л.)
55. **Фокина, М.А.** Фразеологизмы в пространственно-временной организации романа А.Б. Мариенгофа «Циники» [Текст] / М.А. Фокина // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник научных статей. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 75-80. (0,375 п. л.)
56. **Фокина, М.А.** Авторские сентенции в концептуальной структуре художественного текста (по произведениям русской повествовательной прозы XIX – XX вв.) [Текст] / М.А. Фокина // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе: материалы международной научной конференции (Кострома, март 2008 г.). – М.: ООО «Издательство “Эллис” », 2008. – С. 391-393. (0,25 п. л.)
57. **Фокина, М.А.** Паремии в русской повествовательной прозе XIX – XX веков [Текст] / М.А. Фокина // *Rossica Olomucensia XLVI-II: sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX. Olomoucké dny rusistů.* – Olomouc, 2008. – S. 413-415. (0,2 п. л.)
58. **Фокина, М.А.** Фразеологические средства репрезентации концепта «любовь» в рассказах И.А. Бунина «Солнечный удар» и П. Романова «Без черёмухи» [Текст] / М.А. Фокина // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Международной научной конференции: в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Издательство БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 45-48. (0,3 п. л.)

Фокина Мадина Александровна

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
В ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале русской художественной прозы XIX-XX веков)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Подписано в печать: 10.11. 2008. Формат 60х90 1/16 .
Бумага для множительных аппаратов. Ризограф.
Усл. печ. л. 2,5. Заказ №1132. Тираж 100 экз.

Отпечатано:
Студия оперативной полиграфии «Авантитуд»
г. Кострома, пр-т Мира, 51. Тел.: (4942) 55-28-62

10 =